

УДК 821.161.1-31(Астафьев В. П.)+81'42. DOI: 10.26170/2071-2405-2024-29-2-36-43. ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,444.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

**ДЕКОНСТРУКЦИЯ СОВЕТСКОГО АВИАЦИОННОГО ДИСКУРСА
В ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ 1970-Х – 1990-Х ГОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛОВ «ЗАТЕСИ», «ЦАРЬ-РЫБА» В. П. АСТАФЬЕВА)**

Загидулина Т. А.

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия)

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>

SPIN-код: 9200-6581

А н н о т а ц и я . Предметом анализа в данной статье становятся проявления деконструкции соцреалистического авиационного дискурса в литературе традиционализма, рефлексивной по отношению к ортодоксальной советской культуре. В фокусе внимания две стороны указанного дискурса: механизмы конструирования образа летчика и особенности формирования оригинальных семиотических пространственных моделей. Тема исследования – деконструкция советского авиационного дискурса в традиционализме 1970-х – 1990-х годов. Цель работы: рассмотрение процесса деконструкции указанного дискурса на материале малой прозы В. П. Астафьева («Царь-рыба», «Затеси»). Методология проведения исследования подразумевает использование структурно-типологического метода, метода описательной поэтики, мифопоэтического анализа. Результатом работы послужили следующие положения: обнаруживаемые внутри, а не вовне соцреалистического контекста элементы авиационного дискурса иначе атрибутируются в текстах сибирского писателя. Радикально трансформируется образ советского авиатора: при внешнем сходстве он больше не может служить эталоном человека и сверхчеловека, его близость к государству профанируется, что является одним из проявлений разрушения ортодоксальной советской героической иерархии. Вместе с фигурой летчика десакрализуется топос аэропорта, это свидетельствует о трансформации ментальной карты, выстраиваемой в координатах, характерных уже для деревенской прозы: актуализируются оппозиции «город – деревня», «центр – периферия». Подобные противопоставления, имеющие место и в литературе соцреализма, функционируют в традиционалистских текстах прямо противоположным образом, подчеркивая постколониальную интенцию традиционалистского письма, усиление интереса к Другому, отмечаемые в связи с ослаблением влияния канона. Так, можно сделать вывод, что в малой прозе В. П. Астафьева наблюдается процесс деконструкции раннесоветского авиационного дискурса. Смыслы и образы, закрепленные в ортодоксальной аксиологии и онтологии, переворачиваются: означающее и означаемое перестают быть равными друг другу. Результаты данного исследования могут найти применение в педагогической практике преподавателей вузов при изучении истории русской литературы XX века, поэтики русской традиционалистской прозы, творчества В. П. Астафьева.

К л ю ч е в ы е с л о в а : традиционализм; соцреализм; авиационный дискурс; В. П. Астафьев; постколониализм

Б л а г о д а р н о с т и : исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Загидулина, Т. А. Деконструкция советского авиационного дискурса в традиционализме 1970-х – 1990-х годов (на материале циклов «Затеси», «Царь-рыба» В. П. Астафьева) / Т. А. Загидулина. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 36–43. – DOI:10.26170/2071-2405-2024-29-2-36-43.

**DECONSTRUCTION OF THE SOCIALIST AVIATION DISCOURSE IN THE TRADITIONALISM
OF THE 1970s–1990s (ON THE MATERIAL OF THE CYCLES “ZATESI” AND “TSAR-FISH” BY V. P. ASTAFIEV)**

Tatyana A. Zagidulina

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia)

Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1747-0837>

A b s t r a c t . The object of the study in this article comprises the manifestations of the deconstruction of the socialist realism aviation discourse in the literature of traditionalism, reflexive in relation to orthodox Soviet culture. The author focuses on two aspects of this discourse: the mechanisms of constructing the image of the pilot and the peculiarities of the formation of original semiotic spatial models. The research topic covers the deconstruction of the Soviet aviation discourse in the traditionalism of the 1970s–1990s. The aim of this work is to consider the process of deconstruction of the discourse in question based on the material of short prose by V. P. Astafiev (“Tsar-fish”, “Zatesi”). The research methods include the structural-typological method, the method of descriptive poetics, and the method of mythopoetic analysis. As a result of the work, the following ideas were elaborated: the elements of aviation discourse found inside, and not outside the socialist realism context are attributed differently in the texts of the Siberian writer. The image of the Soviet aviator is radically transformed: with external similarity, he can no longer serve as a standard of man and superman, his proximity to the state is profaned, which is one of the manifestations of the destruction of the orthodox Soviet heroic hierarchy. Together with the figure of the pilot, the topos of the airport is desacralized. This indicates the transformation of the mental map, built in the coordinates that are already characteristic of rural prose: the oppositions of “city – village”, “center – periphery” are actualized. Similar oppositions, which take place in the literature of socialist realism, function in traditionalist texts in exactly the opposite way, emphasizing the postcolonial intention of traditionalist writing and the increased interest in the Other, noted in connection with the weakening influence of the canon. Thus, it can be concluded that Astafiev’s short prose reflects the process of deconstruction of early Soviet aviation discourse. The meanings and images fixed in the orthodox axiology and ontology are re-

versed: the signifier and the signified cease to be equal to each other. The results of this research can be applied in practical university training while teaching the courses of the history of Russian literature of the twentieth century, the poetics of Russian traditionalist prose, and the prose of V. P. Astafiev.

Keywords: traditionalism, socialist realism, aviation discourse, V. P. Astafiev, postcolonialism

Acknowledgements: The research has been completed with financial support of the Russian Science Foundation grant No 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky.

For citation: Zagidulina, T. A. (2024). Deconstruction of the Socialist Aviation Discourse in the Traditionalism of the 1970s–1990s (on the Material of the Cycles “Zatesi” and “Tsar-Fish” by V. P. Astafiev). In *Philological Class*. Vol. 29. No. 2, pp. 36–43. DOI: 10.26170/2071-2405-2023-29-2-36-43.

Постановка проблемы

Советская мифология за годы своего существования пережила несколько фаз трансформации. Согласно концепции Х. Гюнтера, этапы развития канона определяются стадийностью развития самого советского общества [Гюнтер 2000: 282]. «Долгие 70-е» отмечены рефлексией на уже сложившиеся к тому времени «правила» соцреалистического письма (сюжетные схемы, типы и иерархия героев, образная система): представители различных литературных направлений осмысляют культуру соцреализма стилистически, идеологически, посредством игры с советскими мифологическими клише. Творческие стратегии авторов того периода определили начало постканонической стадии с характерной для нее художественной и идеологической плюрализацией, что повлияло на литературный процесс последующих десятилетий, даже в текстах 1990-х, 2000-х слышатся отголоски диалога с каноном [Там же: 287].

Разрушение канона было процессом постепенным, однако в некотором смысле всеобъемлющим: в 1970-е еще тиражируются ортодоксальные тексты, например мемуары военных летчиц, однако параллельно происходит обновление соцреалистических концепций («соцреализм с человеческим лицом» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 89]), с одной стороны, с другой – возникают новые литературные направления. За пределы соцреализма выходят деревенская, лагерная, исповедальная проза, неоавангард и др. Материалом настоящего исследования послужили тексты В. П. Астафьева, сибирского писателя-традиционалиста.

Традиционализм продолжает темы, идеи деревенской прозы, оформившейся во времена «оттепели», ставшей одной из форм рефлексии на соцреалистический канон. Н. В. Ковтун пишет о деревенщиках: «В конце 50-х они представители фрондирующего направления, чья популярность растет по мере разочарования в утопическом проекте социалистического реализма» [Ковтун 2017: 8], «“неопочвенническая” литература отстаивает пророческие функции жизнеустроительства» [Там же: 10]. Таким образом, в фокусе внимания представителей течения оказывается онтологическая проблематика, сопряженная с традиционными темами нравственности, жизни и смерти, национального самосознания.

Обзор научной литературы по проблеме

Исследованию творчества В. П. Астафьева посвящено немало литературоведческих работ, в этом массиве можно выделить несколько направ-

лений: изучение образной и мотивной системы, художественного пространства, жанровой структуры, экологической проблематики, онтологических мотивов, мифопоэтики. Проблематизируются в современном литературоведении вопросы соотношения деревенской прозы и соцреалистической литературы. Рассуждая о генезисе и аксиологии традиционализма, Ю. Борев пишет: «деревенская проза утверждала светлое прошлое, соцреалисты – светлое будущее; деревенская проза отрицала многие незыблемые для соцреализма ортодоксальные ценности – осуждала колхозный строй, не считала раскулачивание социально плодотворным и справедливым действием» [Борев 2001: 419].

А. И. Разуvalова, описывая механизмы формирования идеологии литературного направления, указывает на то, что «и в фазе становления направления, и позднее писатели явно были ориентированы на демонтаж “лжи” соцреализма и расширение границ официально допустимого» [Разуvalова 2015]. Р. С. И. Семькина отмечает, что соцреалистическую литературу отличала ориентация на социальную действительность, а сам человек изображался как общественный тип вне контекста экзистенциальной проблематики. Творчество В. П. Астафьева в этом смысле синкретично, социальное там тесно переплетается с метафизическим: «социоцентризм как универсальный принцип, пронизывающий советское общество, культуру, литературу, науку, политику и экономику, исчерпал себя и оказался абсолютно бессилем в объяснении природы человека» [Семькина 2016: 23].

В центре нашего внимания один из элементов советской мифологической системы – авиационный дискурс. В рамках настоящего исследования мы понимаем дискурс как «совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, а интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2006]. Нас интересуют две его стороны: создание образа летчика и формирование оригинальных пространственных моделей в текстах, включающих авиационные мотивы. В работе использованы структурно-типологический метод, метод описательной поэтики, мифопоэтический анализ.

Авиационный дискурс, формировавшийся в 20–30-е годы XX века вместе с каноном, – важная часть соцреалистического мирообраза, его функционированию внутри канона посвящено отдель-

ное исследование [Загидулина 2019]. В ортодоксальной иерархии авиатор занимал почетное место героя-полубога, способного находиться в пограничных пространствах, преодолевать немислимые расстояния, кроме того, он обладал функцией психопомпа [Загидулина 2019; Сидорчук 2022] и был безусловно противопоставлен обывателю, образ которого связан с традиционными типами «маленького человека», «голого человека». Летчик соцреализма имел фантастическую витальность – он воплощенная мечта советских женщин, своего рода секс-символ. Подобная «сверхчеловечность», однако, не мешала ему выполнять функцию агента советской власти, преданно служить ей. С функционированием образа авиатора напрямую связаны семиотическое моделирование пространства молодого Советского государства («арктические» тексты), позиционирование СССР как сверхдержавы (тексты о рекордных перелетах), демонстрация социального прогресса (тексты о женщинах-авиаторах), то есть репрезентация наиболее значимых достижений большевистской власти.

Цель настоящего исследования – рассмотрение процесса деконструкции соцреалистического авиационного дискурса в традиционализме 70-х – 90-х годов на материале циклов «Царь-рыба» и «Затеси» В. П. Астафьева. Сам термин «деконструкция» впервые использует Ж. Деррида в 1967 году в работе «О грамматологии», Н. Автономова пишет: «Часто под деконструкцией понимается такое обращение с бинарными конструкциями любого типа <...>, при котором оппозиция разбирается, угнетаемый ее член выравнивается в силе с господствующим, а потом и сама оппозиция переносится на такой уровень рассмотрения проблемы, с которого видна уже не оппозиция, но скорее сама ее возможность <...>. Деррида предлагает нам понять деконструкцию не вообще, но лишь в конкретном ее осуществлении, т. е. в цепочке взаимозамещений между понятиями, ряды которых открыты в бесконечность» [Автономова 2000: 19]. Так, оппозиции, выстраиваемые в рамках культуры соцреализма, подвергаются «разборке» и в конечном счете «пересобираются», становясь еще одним элементом «цепочки взаимозамещений». Сам Ж. Деррида в «Письме японскому другу» замечает: «Но разобрать, разложить, расслоить структуры (в извечном смысле, более историчное движение, нежели движение “структуралистское”, которое тем самым ставилось под вопрос) – это не была какая-то негативная операция, скорее, чем разрушить, надлежало также и понять, как некий ансамбль был сконструирован, реконструировать его для этого» [Деррида 1992: 55]. Говоря о деконструкции применительно к настоящей статье, мы подразумеваем процесс перехода, описанный Н. Лейдерманом и М. Липовецким: «Этот тип перехода может <...> служить первой ступенью другого, более сложного типа перехода: от одного дискурса к другому. При этом важно подчеркнуть, что этот случай, может быть, наиболее полно описывается понятием “деконструкция”: иной дискурс обнаруживается внутри, а не вовне соцреалисти-

ческого контекста. <...> пойманный на абсурдных противоречиях <...> признается в неравенстве самому себе» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 494].

Говоря о деконструкции дискурса, стоит упомянуть работы М. В. Загидуллиной, в частности разработки, связанные с алгоритмами дискурс-анализа. Исследователь отмечает, что если «понимать под дискурсом “текст, погруженный в жизнь” и противопоставлять его тексту “как формальной структуре”, то возникнет определенный разрыв с современной ситуацией, когда фактически жизнь погрузилась в “текст” бесконечного информационно-коммуникационного обмена. Нарастающая сложность дискурс-анализа стала особенно заметной в связи с развитием мультимодального дискурс-анализа, выходящего за рамки “текста” как буквенно-письменного кода и открывающего перспективы анализа универсальных стимулов <...>» [Загидулина 2022: 623]. Этот тезис наиболее применим к настоящему исследованию: информационно-коммуникационный обмен в рамках соцреалистических текстовых практик действительно выходит за рамки собственно текста, соответственно, подобное понимание дискурса применимо к объекту исследования. Кроме того, стоит отметить работу М. В. Загидуллиной [Загидулина, Фаустов 2022], где проанализированы механизмы негативной объективации тоталитарного дискурса в художественном тексте, что созвучно нашему исследованию.

Целью определены конкретные задачи: выявить значимые функциональные черты образа летчика, рассмотреть топос аэропорта, сопоставить указанные элементы дискурса с каноническими, определить механизмы деконструкции указанного дискурса. Для анализа были выбраны следующие тексты: «Поминки» (1976), «Дамка» (1976) («Царь-рыба»), «Вздых» (1970), «Пила» (1991), «Ужасная дыра» (1993), «Генерал-холуй» (1993), «Ярцево-Ерцево» (1997) («Затеси»), выбор обусловлен репрезентативностью произведений.

Результаты исследования

Вышедший из деревенской прозы традиционализм В. П. Астафьева осмысляет социальную действительность, сформировавшуюся на почве новых общественных реалий, для которых, с одной стороны, характерны стабильность, доступность материальных благ, образования, с другой – нарастающая обеспокоенность интеллигенции, обусловленная критической рефлексией. «Наиболее рафинированная, развитая форма тоталитарно-социалистического общества сформировалась в СССР. 60-летняя история нашей страны полна ужасного насилия, чудовищных внутренних и международных преступлений <...>. Но в ней были также, особенно первые десятилетия, большие надежды, <...> дух воодушевления и самопожертвования» [Сахаров 1978: 8], – пишет А. Д. Сахаров в 1977 году. Подобная двойственность настроений говорит о противоречиях, возникших в восприятии обществом государства и его агентов, соответственно. Этот антагонизм обозначает векторы дискуссии с каноном и во многом

определяет «консервативный» поворот с его идеями комплексами колониализма / постколониализма, переосмыслением оппозиций «центр – периферия», «свое – чужое».

Подчиненность авиатора государству, его привилегированное положение по отношению к обывателю сближает соцреалистическую и традиционалистскую концепции образа. В исследуемых текстах летчик – проводник власти, однако последняя в прозе В. П. Астафьева часто осмысляется в постколониальном ключе. Реабилитацию локальной идентичности и внимание к локальным культурным типам инородца, старообрядца и крестьянина деревенщики противопоставляли централизованной советской литературе с выработанной канонической образной системой. Соответственно, традиционные для соцреализма образы получали новое наполнение.

Государство в экологической прозе В. П. Астафьева выступает в роли захватчика, потребителя ресурсов, которыми богат север, соответственно, авиатор, его агент, осуществляющий транспортировку чуждых северу людей, воспринимающих Сибирь через призму владения и пользования, пессимизируется: «Лётчик-вертолётчик с какой-то представительной комиссией облетел “мёртвую дорогу” со стороны Енисея» («Пила») [Астафьев 1997, т. 7: 249]. В этом же тексте затронута лагерная проблематика: речь идет о «мертвых поселках», зонах, обтянутых колючей проволокой, ликвидированных за ненадобностью. На вопрос повествователя о самых запомнившихся местах «мертвой дороги» вертолётчик отвечает с присущим советскому авиатору энтузиазмом: «– Пила! <...> Люди пилили лесину на полотах-покатах, допилили до середины и оставили. <...> ждёт инструмент, надеется, слышит – т о р о п я т сюда людей, з а с т а в я т взяться за ручки и... пойдёт работа, завизжит, заскрипит ржавая пила...» (здесь и далее разрядка моя – Т. З.) [Там же]. Подобное воодушевление, подсвеченное лагерной темой, позволяет говорить о позитивной оценке вертолётчиком действий власти. Соцреалистические смыслы, наполнившие фигуру канонического авиатора, переворачиваются, он обретает новый статус: традиционализм уходит от жесткой иерархичности, авиатор больше не сближается с положительным героем.

Служащие власти летчики репрезентируются алчными, грубыми, развращенными осознанием своего привилегированного положения: «Лётчики тут утомлены собственной значимостью и если не выкажут кураж, вроде бы как потеряют себе цену»; «Билет был, я был, самолёт был, а места нет <...> – пилоты прихватили знакомую девицу до Чуши и упорно меня “не замечали”». Я простоял всю дорогу среди салона <...>. Пилот прицепил меж сидений неширокий ремень <...>, кивнул мне, предлагая, должно быть, садиться. Я вежливо его поблагодарил. Б у р к н у в : “Была бы честь предложена”, – пилот удалился в кабину» [Астафьев 1997, т. 6: 113] («Дамка»).

Примечательно описание из рассказа «Генерал-холуй» (1993), где образ авиатора маркирован

как симулятивный: «Шла прямая телетрансляция столь блистательной победы советского прогресса, показывали сияющий от счастья, рукоплещущий азиатский народ, показывали парадно одетых авиаторов, сбитых в т а б у н о к ...» [Астафьев 1997, т. 7: 503]. Использование слов «авиаторы» и «табунок» в контексте сближения подчеркивает резкий контраст между означающим и означаемым: слово «авиатор» нехарактерно для прозы В. П. Астафьева, оно присуще раннесоветскому авиационному курсу, где летчик позиционировался как сверхчеловек. «Табунок» сверхлюдей – оксюморон, подчеркивающий сатирический модус повествования. Мотив иллюзорности акцентирует внимание на видимости торжества прогресса и мнимости соцреалистической системы координат. С указанным мотивом связан еще один тип, где отчетливо считывается связь с раннесоветской мифологией – полярный летчик.

Появление полярного летчика в тексте часто является предзнаменованием обмана, это видно при сопоставительном анализе эпизодов из рассказов «Вздых» (1970) и «Поминки» (1976). В первом мать героини, попавшей в лагерь за растрату, вспоминает историю жизни своей дочери. Преступлению предшествовала связь с полярным летчиком – «подходящим человеком», сама растрата мотивируется желанием «роскошной жизни»: «– Выучилась на продавца, замуж собиралась. И человек-то подходящий встретился – лётчик полярный, а тут растрата!.. И все... <...> Пишет теперь, кается: дура, говорит, была, р о с к о ш н о й жизни захотела» [Астафьев 1997, т. 7: 158]. Совмещение вскользь упомянутого полярного летчика и желания роскоши знаково: счастье было иллюзорно. В «Поминках» появление указанного образа также является предзнаменованием беды: «...главную роль получила в картине знаменитого режиссера, но настигла ее роковая любовь, и улетела она со знаменитым полярным летчиком на Диксон, а там у него жена... <...> Проснулся – ни девки, ни денег, ни котомки!» [Астафьев 1997, т. 6: 279]. Женщина обманывает доверчивого и открытого Акима, готового жениться на ней. И в первом, и во втором случае фигура летчика-полярника остается за кадром – в пространстве текста точек взаимодействия со «сценическими» персонажами у него нет, это маркирует образ как мифологический, не принадлежащий к миру реальному.

Стоит, однако, обратить внимание на эпизод из рассказа «Ярцево-Ерцево», где актуализируются соцреалистические представления об авиаторе: «Водопьянов, молодой, румяный, при ремнях и орденах...»; «Там же будут происходить и встречи с восторженно их ждущими трудящимися советского Севера. “В самолёт отважного ленинградца!” <...> И как в русской сказке, Юзик оказался <...> в Ярцево...» [Астафьев 1997, т. 7: 212]. По сюжету мальчик Юзик хочет навестить своего отца, который отбывает наказание в Ярцево, а летчик Водопьянов помогает ему в этом. Парадоксальным образом при внешнем сходстве с каноническими текстами (героический авиатор, способный сотворить чудо) именно в «Ярцево-Ерцево» наиболее ярко проде-

монстрировано разрушение канона: авиатор везет еврейского мальчика в место отбывания наказания его отца. Не столько нетипичен поступок пилота, сколько абсурдна сама ситуация, невозможная в рамках соцреалистического повествования. Подобная репрезентация кардинально трансформирует традиционный функционал положительного героя. Авиатор выступает в ипостаси своеобразного волшебного помощника, это подчеркнуто сравнением – «как в русской сказке». Чудо, однако, оказывается мнимым – героический дискурс 30-х, выкристаллизованный в фигуре Водопьянова, сталкивается с трагическим пафосом лагерной темы.

Примечательна в этом рассказе и стратегия семиотизации художественного пространства: топос аэропорта, отмеченный характеристикой лиминальности является значимым элементом авиационного дискурса. В рассказе Красноярский аэродром описан следующим образом: «Прибравшись, он пешком поднялся в гору, к аэропорту и долго кружился вокруг аэродрома, <...> скорее по велению Божию, проник на запасное летное поле, именно к той машине, на которой совершался легендарный полет» [Там же]. «Легендарность» полета отсылает к авиационному дискурсу 30-х (речь идет о подвигах М. Водопьянова) и на предметном уровне связывает текст с каноном, однако это соответствие здесь формально, мнимо. Мнимость эта демонстрирует сопоставление с ортодоксальными текстами сходной тематики, например с рассказом «Летуны» (1926) К. Минаева, где реализуется тот же сюжет – перелет ребенка и смена им социального статуса. Летчики способствуют перемещению мальчика из деревни в город, где тот идет работать на завод, т. е. переживает второе рождение, укореняясь в новой пролетарской реальности, деревня в рассказе маркирована как пространство смерти и противопоставлена городу [Загидулина 2017]. Герой В. П. Астафьева Юзик, перемещаемый из города в поселение, напротив, впоследствии становится «врагом народа», т. е. умирает в социальном смысле, как и его отец, но иронии судьбы отбывает наказание в деревне по схожим названием.

Так, функция летчика кардинально меняется, соответственно, и аэропорт при внешнем сходстве с каноническим, сохраняя лиминальные характеристики, обретает иные функции: путь к рождению трансформируется в рамках дискурса в дорогу к смерти. Типичная соцреалистическая фабула детского рассказа оборачивается экзистенциальной драмой. Именно здесь становится наиболее очевидной деконструкция: соцреалистические клише оказываются неравными самим себе, происходит саморазоблачение дискурса.

Большому аэропорту Красноярска, формально являющемуся частью соцреалистического мирообраза, противопоставлены маленькие северные аэровокзалы. Чаще всего герои (в рассматриваемых текстах – герой-повествователь) малой прозы В. П. Астафьева перемещаются из города в деревню, эта оппозиция традиционна как для русской литературы в целом, так и для «неопочвенниче-

ства» в частности¹.

В рассказе «Дамка» (1976) северный аэропорт изображен в пессимистических тонах: «В аэропорту старого годами, обликом и нравами городка Енисейска, снаружи уютного, но с тем казенным запахом внутри, который свойствен всем мрачным вокзалам глубинки, в особенности северным»; «Модные сиденья, обтянутые искусственной кожей, порезаны бритвочками. <...> пупырился грязный поролон <...>. В вокзале жужжала мухота, <...> кружился комар, кусал ноги, забивался под юбки женщинам...» [Астафьев 1997, т. 6: 110]. Автор акцентирует внимание на окраинном положении аэропорта, которое делает его еще мрачнее подобных вокзалов, расположенных ближе к центру, таким образом, писатель выстраивает оппозицию «центр – периферия». Наличие указанного противопоставления свидетельствует о включенности текста в постколониальный дискурс, исторически присутствующий «сибирскому тексту» [Сибирский текст... 2014].

В качестве параллели уместно будет привести кинокартину Г. Данелии «Мимино» (1977), где контраст между колонией и метрополией также выстраивается посредством авиационных образов. Национальный колорит провинциальных грузинских аэродромов противопоставлен типовому зданию аэропорта Тбилиси, идеальной белизне костюмов экипажа международного рейса – простая одежда Валико, профессию которого выдает лишь фуражка, блистающим авиалайнерам, перевозящим иностранцев, – вертолет, транспортирующий почту, баранов, птицу, причем не всегда законно, на что указывает эпизод «спасения» голландских кур, портящихся в аэропорту Тбилиси. Кавказ, как и Сибирь, в советской мифологии – периферийные, другие пространства, они не вписываются в канон, игнорирующий Другого. Именно ослабление канона позволяет Другому ярко проявляться в постканонической фазе.

Практически идентичны сцены приземления в фильме Г. Данелии (мальчик в красной рубашке встречает вертолет на горной взлетно-посадочной площадке) и рассказе В. П. Астафьева: «На аэродроме паслись коровы, телята, кони, и когда наш самолетик, зайдя с Енисея <...>, впереди самолета долго бежал парнишка в раздувающейся малиновой рубашонке и сгонял хворостиной с посадочной полосы пегую корову» [Астафьев 1997, т. 6: 115]. Эта тождественность подчеркивает сходный статус пространств. Стоит, однако, отметить, что точки зрения повествователей разнятся – рассказчик В. П. Астафьева ощущает свою отдельность от периферии, он уже причастен к пространству города («Я пропустил женщин вперед – как-никак Высшие литературные курсы в Москве кончил...» [Там же: 113]). Нарратора как такового в фильме Г. Дане-

¹ Д. А. Субботкин полагает, что «художественной доминантой творчества В. Астафьева является нарастающий конфликт “своего” и “чужого мира”», при этом внешняя проблематика – экологическая, социальная, религиозная – является лишь фоном для реализации бинарной или тернарной структур повествования [Субботкин 2007: 4].

лии нет, однако зритель смотрит на происходящее глазами главного героя (это видно в эпизодах полета, когда изображение дается из кабины пилота), того самого Другого. Таким образом, внимание акцентируется на одной из функций аэропорта – коммуникации между центром и периферией, субалтерном и колонизатором.

Похожее описание аэропорта, однако с иными акцентами, встречаем в более позднем тексте «Ужасная дыра» (1993), но если в рассказе «Дамка» разруха только намечается, то в «Ужасной дыре» представлена картина полного упадка без надежды на какие-либо изменения, что закономерно, учитывая эсхатологический поворот в традиционализме 1990-х: «Сымский аэропорт без всякого сомнения, без всяких голосований занимал бы всегда первое место среди препаскуднейших наших бытовых заведений»; «...вольно стоят амбар и кособокая избушка, похожая на баню, – избушка та и есть аэровокзал»; «теперь вместо стекла пришипилен мутный полиэтиленовый мешок. В самом же помещении все без затей <...>: две скамьи <...>, железная печка с сорванной дверцей.<...> И сору, сору!.. Окурки, железные пробки от бутылок, ореховая скорлупа, ощепки, рванный кед, осколок бутылочного и всякого иного стекла, ключья мятой бумаги – всё это прямо на земле...» [Астафьев 1997, т. 7: 135].

Стоит отметить, что ощущение запустения, безысходности усугубляется: аэропорт Енисейска описан как уютный хотя бы внешне, Сымский вокзал – избушка без окон и без пола, холодная и грязная. Сравнение с баней подчеркивает лиминальный статус пространства: «В бане совершались календарные и окказиональные обряды <...>, основанные на сакральных представлениях об исцелении как восстановлении исходной полноты (целостности), достигаемой в процессе банного священнодействия – ритуала “второго рождения”» [Теребихин 2019: 142]. Сакральный статус пространства в тексте В. П. Астафьева профанируется на образном и сюжетном уровнях. Сымский аэропорт – это ворота для чужих: «Самолётчик ходит в Сымскую факторию раз в неделю, вертолётчики залетают чаще. Да до конца лета и осени здесь летать то особенно некому и незачем, но с начала грибной и ягодной поры валом валят на Сым шабашники, бродяги, девицы, перекупщики, начальственный народ со своей техникой» [Астафьев 1997, т. 7: 136]. Основная цель «интервенции» – нажива. Значимым визитером является «начальственный народ», интенции которого сходны с прочими – ресурсы и прибыль. Таким образом, репрезентация севера как колониального пространства становится еще более зримой и очевидной.

Итак, аэропорт в малой прозе В. П. Астафьева – пограничное пространство, портал в «чужой» мир, мир Других, будь то люди, живущие на севере, или ссыльные поселенцы. Это контрастирует с каноническим представлением об авиации, где полет –

благо, доступное образцовым гражданам, а самолет может использоваться исключительно для дел государственной важности – доставки ценных грузов («Баллада о синем пакете» Н. Тихонова), расширения ментальной географии («Первые перелеты через Ледовитый океан» Г. Байдукова), даже в позднем рефлексивном романе В. Аксёнова «Московская сага», дискутирующем с каноном, маршала Градова самолетом доставляют из мест заключения в Москву.

Выводы

Механизмы функционирования авиационного дискурса в малой прозе В. П. Астафьева позволяют говорить о том, что этот элемент соцреалистического канона претерпевает значительную трансформацию. Одной из художественных доминант творчества В. П. Астафьева является интенсифицирующий конфликт «своего» и «чужого», при этом образы авиаторов/вертолетчиков/летчиков маркируются как безусловно «чужие». Авиационный дискурс, как и в соцреалистической литературе, пересекается с властным, но получает совершенно иное наполнение: летчик, оставаясь преданным агентом власти, из освоителя новых пространств превращается в персонажа постколониального текста. Позитивная оценка авиатором действий власти в контексте лагерной проблематики способствует деконструкции советского авиационного дискурса, функционировавшего в рамках канона. Фигура советского летчика профанируется: узнаваемый внешне соцреалистический авиатор, которого ждут восторженные трудящиеся, на деле оказывается проводником в «мир мертвых», образ героического полярного летчика мифологизируется, подсвечивается мотивом обмана. Художественное восприятие современных пилотов прямо противопоставлено соцреалистической модели, героизм сменяется алчностью, грубостью, пренебрежительным отношением к закону, автор особенно акцентирует внимание на «чувстве собственной значимости» летчиков, чем лишний раз подчеркивается увеличивающийся разрыв между народом и властью. Топос аэропорта также профанируется – дом с казенным запахом внутри, избушка, напоминающая баню. Оставаясь связующим звеном между социальными полюсами, аэропорт становится «воротами» для чужих, таким образом обозначается традиционная для постколониального письма оппозиция «центр – периферия», выстраивается отличная от официальной советской ментальная география.

Так, в малой прозе В. П. Астафьева можно наблюдать процесс деконструкции раннесоветского авиационного мифа: смыслы и образы, сформированные в соцреалистической системе ценностей, претерпевают радикальные изменения, означающее и означаемое перестают быть равными друг другу.

Литература

Автономова, Н. Деррида и грамматология / Н. Автономова // Жак Деррида. О грамматологии. – М., 2000. – С. 7–107.

- Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т. 7. Затеся: семь тетрадей. – 544 с.
- Астафьев, В. П. Собрание сочинений : в 15 т. / В. П. Астафьев. – Красноярск : ПИК «Офсет», 1997. – Т. 6. Царь-рыба. – 432 с.
- Борев, Ю. Б. Эстетика : учебник / Ю. Б. Борев. – М. : Высшая школа, 2002. – 511 с.
- Гюнтер, Х. Жизненные фазы соцреалистического канона / Х. Гюнтер // Соцреалистический канон : сборник статей. – СПб. : Академический проект, 2000. – С. 282–287.
- Деррида, Ж. Письмо к японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53–57.
- Загидулина, Т. А. Ни ввысь, ни свьше. Авиационный дискурс в русской литературе 20–30-х гг. XX в. / Т. А. Загидулина. – Красноярск : Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2019. – 208 с.
- Загидулина, Т. А. Образ летчика и его функции в детской литературе 1920-х годов (на материале повести К. Минаева «Летуны») / Т. А. Загидулина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2017. – № 9. – С. 185–192.
- Загидулина, М. В. Контекст и медиаэстетика: возможности развития алгоритмов дискурс-анализа / М. В. Загидулина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. – 2022. – № 41 (4). – С. 621–627.
- Загидулина, М. В. Тоталитарный дискурс как объект авторской рефлексии в поэзии Ильи Кормильцева / М. В. Загидулина, А. А. Фаустов // Челябинский гуманитарий. – 2022. – № 3 (60). – С. 13–19.
- Ковтун, Н. Русская традиционалистская проза XX–XXI вв.: генезис, мифопоэтика, контексты / Н. Ковтун. – М. : ФЛИНТА, 2017. – 600 с.
- Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Академия, 2003. – Т. 2: 1968–1990. – 688 с.
- Минаев, К. Летуны / К. Минаев. – М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=271245> (дата обращения: 09.03.2024). – Текст : электронный.
- Разувалова, А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов / А. И. Разувалова ; Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом), Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исслед. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 612 с. – URL: https://vuzdoc.org/209891/literatura/derevenschiki_perechityvaya_zanovo_vmesto_predisloviya#1772 (дата обращения: 09.03.2024). – Текст : электронный.
- Сахаров, А. Д. Тревога и надежда / А. Д. Сахаров. – Нью-Йорк : Хроника, 1978. – 198 с.
- Семькина, Р. С. И. «Реализм в высшем смысле» Ф. М. Достоевского и «Жесточкий реализм» В. П. Астафьева: к постановке проблемы / Р. С. И. Семькина // Культура и текст. – 2016. – № 3 (26). – С. 19–28.
- Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве / науч. ред. К. В. Анисимов. – Красноярск : Изд-во Сибирского федерального университета, 2014. – 237 с.
- Сидорчук, И. В. «Мы ведь должны и будем летать выше, дальше и быстрее всех»: авиация в советском кинематографе 1920–1930-х гг. / И. В. Сидорчук // Россия в глобальном мире. – 2022. – № 25 (48). – С. 148–170.
- Субботкин, Д. А. Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В. П. Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Субботкин. – Красноярск, 2007.
- Теребихин, Н. М. Топос бани в религиозной антропологии народов северной России / Н. М. Теребихин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2019. – № 4. – С. 138–146.
- Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта, 2006. – 136 с.

References

- Anisimov, K. V. (Ed.). (2014). *Sibirskii tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [The Siberian text in the National Story Space]. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Sibirskogo federal'nogo universiteta. 237 p.
- Astafiev, V. P. (1997). *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [The Complete Set of Works, in 15 vols]. Krasnoyarsk, PIK «Ofset». Vol. 6. Tsar'-ryba. 432 p.
- Astafiev, V. P. (1997). *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [The Complete Set of Works, in 15 vols]. Krasnoyarsk, PIK «Ofset». Vol. 7. Zatesi: sem' tetraidei. 544 p.
- Avtonomova, N. (2000). Derrida i grammatologiya [Derrida and Grammatology]. In *Zhak Derrida. O grammatologii*. Moscow, pp. 7–107.
- Borev, Yu. B. (2002). *Estetika* [Aesthetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 511 p.
- Chernyavskaya, V. E. (2006). *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence]. Moscow, Flinta. 136 p.
- Derrida, J. (1992). Pis'mo k yaponskomu drugu [A Letter to a Japanese Friend]. In *Voprosy filosofii*. No. 4, pp. 53–57.
- Gunther, H. (2000). Zhiznennyye fazy sotsrealisticheskogo kanona [The Life Phases of the Socialist Realism Canon]. In *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei*. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 282–287.
- Kovtun, N. (2017). *Russkaya traditsionalistskaya proza XX–XXI vv.: genезis, mifopoetika, konteksty* [Russian Traditionalist Prose of the 20th–21st Centuries: Genesis, Mythopoetics, Contexts]. Moscow, FLINTA. 600 p.
- Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003). *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody* [Modern Russian Literature: the 1950s and 1990s, in 2 vols.]. Moscow, Akademiya. Vol. 2: 1968–1990. 688 p.

“AND THE WAR NEVER STOPS IN ME, SHAKING MY TIRED SOUL”:
TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V. P. ASTAFIEV

Minaev, K. (1926). *Letuny* [Flyers]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=271245> (mode of access: 09.03.2024).

Razuvalova, A. I. (2015). *Pisateli-«derevenshchiki»: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov* [The “Hillbilly” Writers: Literature and the Conservative Ideology of the 1970s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 612 p. URL: https://vuzdoc.org/209891/literatura/derevenshchiki_perechityvaya_zanovo_vmesto_predisloviya#1772 (mode of access: 09.03.2024).

Sakharov, A. D. (1978). *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and Hope]. New York, Khronika. 198 p.

Semykina, R. S. I. «Realizm v vysshem smysle» F. M. Dostoevskogo i «Zhestokii realizm» V. P. Astaf'eva: k postanovke problemy [“Realism in the Highest Sense” by F. M. Dostoevsky and “Cruel Realism” by V. P. Astaf'ev: Towards the Formulation of the Problem]. In *Kul'tura i tekst*. No. 3 (26), pp. 19–28.

Sidorchuk, I. V. (2022). «My ved' dolzhny i budem letat' vyshe, dal'she i bystree vsekh»: aviatsiya v sovetskom kinematografe 1920–1930-kh gg. [“After All, We Must and Will Fly Higher, Further and Faster Than Anyone Else”: Aviation in Soviet Cinema of the 1920s and 1930s]. In *Rossiya v global'nom mire*. No. 25 (48), pp. 148–170.

Subbotkin, D. A. (2007). *Konflikt «svoego» i «chuzhogo» mira v proizvedeniyakh V. P. Astaf'eva kak realizatsiya binarnoi i ternarnoi struktur* [The Conflict of the “Own” and “Alien” World in the Works of V. P. Astaf'ev as the Realization of Binary and Ternary Structures]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk.

Terebikhin, N. M. (2019). Topos bani v religioznoi antropologii narodov severnoi Rossii [Topos of Baths in the Religious Anthropology of the Peoples of Northern Russia]. In *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 4, pp. 138–146.

Zagidulina, T. A. (2019). *Ni vvyss', ni svyshe. Aviatsionnyi diskurs v russkoi literature 20–30-kh gg. XX v.* [Neither Up nor Down. Aviation Discourse in Russian Literature of the 20–30s of the 20th Century]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. V. P. Astaf'eva. 208 p.

Zagidulina, T. A. (2017). *Obraz letchika i ego funktsii v detskoj literature 1920-kh godov (na materiale povesti K. Minaeva «Letuny»)* [The Image of the Pilot and His Functions in Children’s Literature of the 1920s (Based on the Story by K. Minaev “The Flyers”)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. No. 9, pp. 185–192.

Zagidullina, M. V. (2022). Kontekst i mediaestetika: vozmozhnosti razvitiya algoritmov diskurs-analiza [Context and Media Aesthetics: Possibilities for the Development of Discourse Analysis Algorithms]. In *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya*. No. 41 (4), pp. 621–627.

Zagidullina, M. V., Faustov, A. A. (2022). Totalitarnyi diskurs kak ob'ekt avtorskoj refleksii v poezii Il'i Kormiltseva [Totalitarian Discourse as an Object of Author’s Reflection in Ilya Kormiltsev’s Poetry]. In *Chelyabinskii gumanitarii*. No. 3 (60), pp. 13–19.

Данные об авторе

Загидулина Татьяна Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики начального образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (Красноярск, Россия); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург, Россия).
Адрес: 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89.

E-mail: zagig@rambler.ru.

Author's information

Zagidulina Tatyana Andreyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Theory and Methods of Primary Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev (Krasnoyarsk, Russia); Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 12.03.2024; дата публикации: 24.06.2024

Date of receipt: 12.03.2024; date of publication: 24.06.2024